

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Памяти М. И. Глинки. На дняхъ исполнилось сорокъ пять лѣтъ, какъ въ Берлинѣ произошло музыкальное событіе, которое отмѣчено въ лѣтописяхъ русскаго національнаго искусства. Оно явилось, какъ побѣда русскаго музыкальнаго генія и какъ торжество талантливѣйшаго изъ отмѣченныхъ его печатью.

21 января 1857 года въ королевскомъ дворцѣ данъ былъ парадный концертъ, въ программу котораго вошли произведенія творца *Жизни за Царя* и *Руслана и Людмилы*. Самъ композиторъ жилъ тогда въ Берлинѣ и былъ приглашенъ на концертъ.

Въ своемъ письмѣ къ сестрѣ, увы, уже послѣднемъ въ жизни Глинки, отъ 27 (15) января, онъ писалъ: „21 (9) января исполнили въ королевскомъ дворцѣ извѣстное тріо изъ *Жизни за Царя*: „Ахъ, не мнѣ бѣдному спротинушкѣ“. Пѣла партію Петровой (артистки исполнявшей партію Вани въ Петербургѣ) по справедливости любимая здѣшнюю публикой м-ше Вагнеръ; она была въ ударѣ и пропѣла очень, очень удовлетворительно. Оркестромъ управлялъ Мейерберъ, и, надо сознаться, что онъ отличнѣйшій капельмейстеръ во всѣхъ отношеніяхъ. Я также былъ приглашенъ во дворецъ, гдѣ пробылъ болѣе четырехъ часовъ. Чтобы понять важность этого событія для меня, надобно знать, что это единственный концертъ въ году, tout en grand gala: публики было отъ 500 до 700 особъ, все залито золотомъ и сверкало брилліантами. Если не ошибаюсь, полагаю, что я первый изъ Русскихъ, достигшій этой чести.“

Гордясь своимъ торжествомъ, Глинка тутъ же, однако, желалъ устранить всякія сомнѣнія въ томъ, не самъ ли онъ добивался „этой чести“. Онъ пишетъ: „Письма Мейербера, какъ доказательство, что я самъ не навязывался и статьи журналовъ доставлю въ самомъ непродолжительномъ времени.“ Но сдѣлать этого ему не при-

шло, и роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ этому торжеству Глинки и русской музыки суждено было остаться связаннымъ со смертью гениальнаго композитора.

Во дворцѣ было чрезвычайно жарко. Разгоряченный Глинка не остерегся и по дорогѣ домой простудился настолько сильно, что на другой уже день жаловался на болѣзненное состояніе, а черезъ пять-шесть дней въ письмѣ къ сестрѣ онъ такъ говоритъ про состояніе своего здоровья: „Умоляю добрыхъ пріятелей не сѣтовать, что не пишу,—у меня сильная простуда или гриппъ, а время мерзкое, просто ничего не видать отъ тумана и снѣга.“

Судя по описанію его болѣзни, композиторъ страдалъ тою формой ея, которая въ наше время пріобрѣла названіе инфлуэнцы. Прошло почти три недѣли послѣ концерта. Болѣзнь осложнилась страданіями печени, и 2 февраля докторъ объявилъ, что жизнь Глинки въ опасности, но что при своемъ необыкновенно сильномъ тѣлосложеніи онъ умретъ не вдругъ. Отсрочка была, однако, не долгая: въ 5 часовъ утра 3 февраля 1857 года Россія потеряла своего славнаго композитора.

Его разговоръ былъ ясенъ до послѣдней минуты. Любимѣйшею его мечтой было уѣхать осенью въ Италію и тамъ провести зиму въ окрестностяхъ Комо; онъ говорилъ объ этомъ даже наканунѣ своей смерти.

За нѣсколько часовъ до смерти, такъ около полуночи, Глинка потребовалъ подаренный ему матерью образокъ, поцѣловалъ его молча, горячо молился, сталъ кротокъ и спокоенъ, и остался такъ до той минуты, когда смерть внезапно его поразила.